

ВОСПОМИНАНИЯ

А.М. Коршунов. 1959 год

А.М. Коршунов

В начале повествования Алексей Михайлович обращается к внучке, Марине Ильиничне Мотовой (Коршуновой), которой он и адресовал свои воспоминания. Тексты «Воспоминаний» А.М. Коршунова и «Автобиографии» И.А. Коршунова и фотографии из семейного архива предоставлены М.И. Мотовой.

Я хочу рассказать тебе о себе самом. Мать мне говорила, что когда я родился, мой дед уже умер, а бабушка была жива и нянчилась со мной. Однако я ее не помню.

Мой отец был крестьянин, мы имели надел земли на «2 души», но сельским хозяйством он не занимался, землю не пахал, лошади у нас не было. Отец был кузнецом, имел кузницу, тем мы и жили. Землю нам пахали другие по найму, но убирали хлеб с поля, собирали сено сами. Не голодали даже в голодном 1891 году, но и достатка большого не было. Отец был и плотником, и столяром. Он был по категории «умельцев», каких много на нашей Руси. У соседнего заводчика, например, он работал зиму за 15 рублей в месяц. Иногда уходил на заработки в Нижний. Помню, одно лето он пробыл в Нижнем и осенью принес домой заработка 40 рублей. Деньги сразу разошлись: за обработку земли, на уплату подати. Мать хранила деньги в

щели в стене около печки. Скоро эта щель опустела. Я любил отца за его трудолюбие, любил его шершавые от постоянного обращения с молотком, клещами, молотом и горном руки. Несмотря на трудности, он никогда не унывал. Я от него многому научился. Я был его помощником в роли ученика кузнеца, ученика столяра. Отец был грамотным. Кто научил его грамоте, я не знаю, т.к. школа в нашем селе была открыта при мне. Но он читал книги, больше, конечно, Евангелие, писал письма и прошения, с которыми к нему приходили неграмотные соседи. Мою учебу он одобрял. Однако, когда я во время зимних каникул привез с собой в деревню Шекспира и читал при вечернем свете лампы о «леди Макбет», он с неудовольствием заметил: «Что ты все керосин-то жжешь без дела». Но я читал и читал...

И отца, и мать я вспоминаю с уважением и признательностью за все, что они сделали для меня. Мать была не-

**Алексей Михайлович
Коршунов –
отец Ильи Алексеевича
Коршунова, учитель,
партийный работник,
кандидат экономических
наук, декан педагогиче-
ского факультета Ниже-
городского университета
(1926–1930).**

Антон Цикулев (его в школьном возрасте взяла к себе в семью Софья Федоровна, и он был для Ильи как старший брат) и Илья Коршунов. 1925 год

грамотной, но исключительных душевных качеств. Я и сейчас не могу без волнения вспоминать ее милое лицо. Происходила она из бедной семьи из соседнего села Салалеи. Однажды я был вместе с ней у ее брата. Он был участником войны 1877–1878 гг., освобождал от турок Болгарию, с войны вернулся инвалидом, не мог ходить. Вся семья жила на его пенсию 4 рубля в месяц. Несмотря на неграмотность, мать была удивительным человеком по своим душевным качествам. Никогда она не злословила, была отзывчивой, доброй по отношению к другим людям. Она была религиозной, и ее религиозность была до предела наивной. Она верила, что когда-то по земле ходила сама Божья Матерь и творила добрые дела. Своих детей любила безмерно, готова была отдать себя нам без остатка. Бывало, приходишь домой из Арзамаса, она сидит на своем месте прямо перед дверью и всматривается своими глазами, как бы спрашивая, не случилось ли у тебя чего-нибудь неприятного. Каждое лето я с матерью ходил с самого утра жать рожь до позднего вечера. Это – жать рожь – очень трудная работа. Я мог бы отвертеться от нее, но моя совесть ни разу не позволила такого поступка. Уважение и любовь к матери у всех нас была большой. Когда мать состарилась, моя сестра Дуня взяла ее к себе, и мать спокойно закончила земное существование. Кстати, Дуня взяла к себе и тетку – сестру отца, проработавшую всю жизнь в качестве прислуки и оставшуюся в конце жизни без средств к существованию. Война принесла Дуне большое горе – у нее убили на фронте двоих сыновей, из которых один был лейтенантом. Неудачно сложилась жизнь и

другой моей сестры Паши. Она была очень способной и самоучкой добилась того, что могла сшить любую одежду крестьянского обихода. Первая мировая война унесла у нее сына. Она простудилась, заболела воспалением легких и умерла лет сорока. Ее дочь, тоже Паша, не стала жить в доме отца, а жила с нами. Мать заботилась о ней как о своей дочери. Мои сестры радовались моим успехам в учебе. А я в свое время поддерживал сына Дуни, когда он учился в педагогическом институте. Он был мобилизован с 3-го курса. Я никогда не прерывал связи с моими родственниками, оставшимися в живых к настоящему времени. Однажды я попал в Майдан, где провел детские годы жизни. Мне встретилась старушка, которая знала меня с детства. Она остановила меня. Мы поздоровались с ней за руку. Ее ладони были шершавыми, как и у всех моих родных, у матери, у отца... Эти шершавые от труда руки меня всегда трогали.

До сих пор из нашего села на учебу в город посыпались только дети попов и дьячков. Отец решил нарушить этот порядок и согласился отправить меня учиться в город Арзамас в городское 4-классное училище. Я до сих пор сохраняю признательность своим преподавателям. Они научили меня многому и вложили в меня страстное желание учиться. В училище я прочитал, кроме Пушкина и Лермонтова, всего Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова и Писарева. Большое влияние на меня оказал французский писатель Ж.М. Гюйс*.

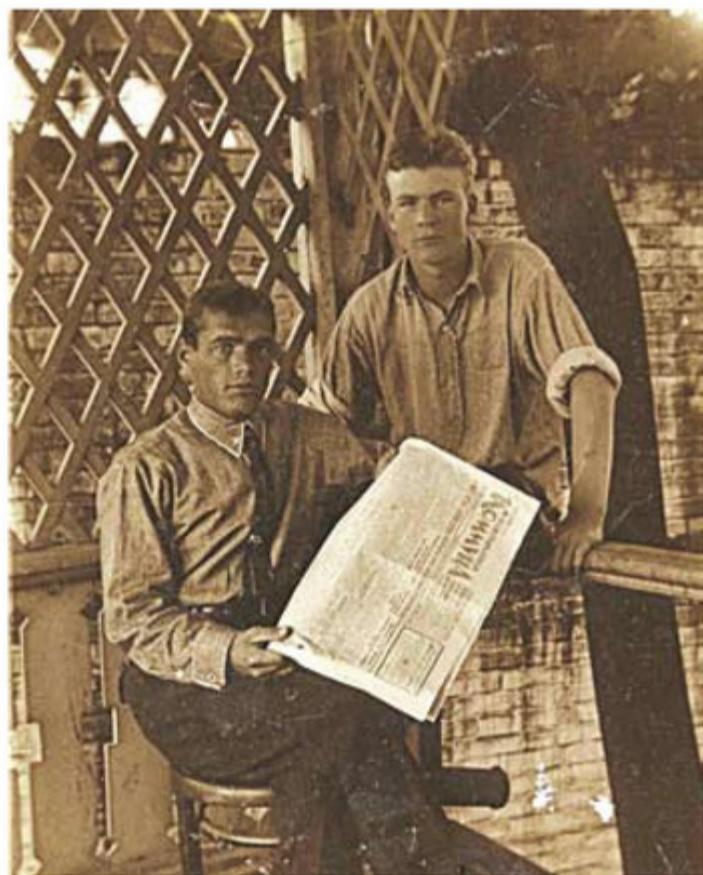
* Вероятно, имеется в виду Жорис-Карл Гюисман. – Ред.

Илья и Алексей Михайлович
в Сергаче. 1921 год

Илья и Софья Федоровна
в Сергаче. 1921 год

Антон Цибулев и Илья Коршунов.
1926 год

В Нижегородском кремле.
1926 год

Учиться дальше я мог, только поступив в учительский институт. И вот я, получив на дорогу от училища 15 рублей и от отца 5 рублей, поехал в Москву. Было для меня трудно найти в Москве институт, найти на дни экзаменов жилье, наконец, сдать вступительный экзамен, который был не из легких, — приехало сдавать 120 человек, а принять в институт должны были 20 студентов. Но все мне удалось, и я поступил и получил стипендию (около 20 рублей в месяц).

Мое пребывание в институте явилось важной полосой в моей жизни. Я не был тупицей — легко справлялся с учебной программой. Но мое внимание в эту пору было направлено на другое. Я усиленно изучал марксизм. Я прочитал (больше, чем прочитал, изучил) «Капитал» Маркса и его экономические и исторические работы, изучил книгу Ленина «Развитие капитализма в России» и другие его работы, книги Плеханова. Коротко — я стал убежденным марксистом. Условия для моих занятий были самые подходящие. Я много занимался в Румянцевской (Ленинской) библиотеке. Я не только читал книги, я также много делал по заданию Замоскворецкой партийной организации. От усиленных занятий я заболел неврастенией и проболел целый год. В 1906 году во время каникул я был арестован в Арзамасе «за хранение нелегальной литературы и противоправительственную агитацию» и просидел около 2 месяцев в Арзамасской тюрьме. К счастью для меня, этот арест пришелся на время каникул, и я по окончании срока ареста вовремя вернулся в Москву на занятия.

По окончании института я учительствовал в Лукоянове, в Канавине (г. Н. Новгород), заведовал школой в Сергаче. Педагогическая работа мне очень была по душе. За это время я напечатал в журнале 3 статьи педагогического характера, несколько беллетристических безделушек в «Нижегородском листке» и после кое-что печатал.

Но я не унялся. Я еще раз ездил в Москву, поступил после экзамена в аспирантуру в Экономический институт Академии наук, который слился с Экономическим институтом красной профессуры. Здесь я пробыл немного — меньше 3 лет, но не успел оформиться и получить степень, т.к. ЦК КПСС послал меня на политработу в один из совхозов Омской области, где я и пробыл лет 5. Затем в Омске работал в институте, преподавал политэкономию, там же ВАК при МП утвердил меня в ученом звании доцента.

Затем я попал в Куйбышев (Самару). Почему не в г. Горький? Ты знаешь, что в 1937—1938 годах мы, партийные люди, пережили волну необоснованных репрессий. В Горьком, как я узнал, были репрессированы товарищи, с которыми я работал. Я легко мог попасть в их компанию и поэтому поостерегся сразу поехать в Горький, рассчитывая несколько позже перебраться. Да так и застрял в Куйбышеве. Сейчас я пенсионер (персональный), и о переезде нечего и думать.

9 мая 1968 года

Я не написал ничего еще о твоей бабушке, дорогой, незабвенной Софье Федоровне. Ее отца Федора Ивановича Владимирского я знал хорошо, я у него в городском 4-классном училище учился Закону Божию и по окончании его получил в награду его печатный труд «Катехизис православной веры».

Софья Федоровна состояла в КПСС. Итак, в семье священника из семерых детей трое были революционерами. Такова жизнь, таковы противоречия уклада царской России.

С Софьей Федоровной я встретился впервые в Арзамасе. Летом в городе собирались много учащейся молодежи, которая собиралась некими группами. В одной из таких групп была С.Ф., а также и я. Когда я потом сидел в тюрьме, она приходила ко мне на свидания и приносила много книг. Зимой 1907 г. я ездил в Сормово, где она учительствовала, и виделся с ней, летом опять были встречи в Арзамасе. Осенью 1907 г. я получил назначение учителем в г. Лукоянов, а С.Ф. обвенчалась с Кащеевым (тогда оформить брак можно было только через венчание). По-видимому, с Кащеевым она дружила еще в Н. Новгороде, когда жила у брата М.Ф. и училась в гимназии. В 1909 г. мы опять виделись в Москве, и здесь мы договорились соединить нашу судьбу. В это время она жила в Харькове и училась в университете, а я был народным учителем в Канавине. Когда Соя окончила Харьковский университет, она получила назначение учительницей в высшее начальное училище (что-то вроде семилетки). Я каждое воскресенье ездил к ней и родившемуся к тому времени Илюше в Доскино и переписывался с ней. Маленькому Илюше я привозил игрушки, и мы с ним с интересом проводили время. В 1915 г. опять все поменялось, меня послали заведовать школой, а она переехала в Канавино.

Только после революции она переехала в Сергач, где я был, и мы жили там втроем до 1922 г., когда нас перевели в Нижний. У меня сохранилась масса писем, которые я получал от нее. Они мне дороги, потому что в них отразилась наша близость с заботами, радостями и разочарованиями.

Софья Федоровна была замечательной личностью. Что бросалось в глаза при знакомстве с ней — в ней не было ни капли мещанства, она была проста, ясна душевно, чужда всему мелкому. Она не любила богато одеваться, и не потому, что у нее было мало денег. Что еще привлекало людей к ней — это ее сердечность и отзывчивость. Она, учительствуя в Доскино, взяла к себе мальчика, имевшего сварливую мачеху. Антоша Цирлев жил с нами, окончил школу, речное училище, а затем Ленинградский институт водного транспорта. Они были друзьями с Илюшой.

Соя умерла внезапно в больнице после небольшой операции. Я и сейчас чувствую боль при воспоминании об этой смерти и о такой трагической жестокости судьбы.

21 июня 1968 года